

Министерство образования и науки Российской Федерации
Дагестанский Государственный Педагогический Университет

ВЕСТНИК ТЮРКСКОГО МИРА

TÜRK DÜNYASI BELLETENİ
THE BULLETIN OF THE TURKIC
WORLD

Международный научно - практический журнал

№ 1(8)
2015

Махачкала - 2015

СОДЕРЖАНИЕ

МИФОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

И.А.Халипаева

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ КУМЫКОВ И УЙГУРОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ.....8

А.М.Аджи́ев

К ВОПРОСУ ОБ ОЩНОСТИ ПАРЕМИЙ И ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КУМЫКОВ И УЙГУРОВ.....12

Э.Н.Гаджиев

ВОПРОСЫ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ В КУМЫКСКОМ И УЙГУРСКОМ ЯЗЫКАХ.....17

Г.М.МОЛОТОВА

ЗНАЧЕНИЕ РУКОПИСЕЙ НАРОДНЫХ ДАСТАНОВ ПРИ СРАВНИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ТЮРКСКИХ ВЕРСИЙ 23

Р.Р. БАВДИНОВ

К ВОПРОСУ ОБ ИННОВАЦИЯХ В ОБРЯДАХ УЙГУРОВ КАЗАХСТАНА.....29

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

А.Т.Хамраев

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....34

Э.М.Молотова

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ СПИСКИ «ТАЗКИРА-ЙИ БУГРА-ХАН».....39

А.Камалов

ДИАСПОРА И ИДЕНТИЧНОСТЬ: ДИСКУРС «РОДИНЫ» И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УЙГУРОВ КАЗАХСТАНА 45

Р.К. Юсупов

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ УЙГУРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX50

ИСТОРИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Р.У. КАРИМОВА

ИЗ ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА
.....52

З.К.КАРИМОВА

ГОСУДАРСТВО ЙЕТТЫШАР В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX..... 60

ЛИЧНОСТНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВОСТОКА. ОЧЕРКИ О ВЫДАЮЩИХСЯ ДЕЯТЕЛЯХ

Я.Б.ГАМЗАТОВ

КУЗИЕВ ДИЛЬМУРАТ ПИРМУХАММАТОВИЧ – ДОСТОЙНЫЙ СЫН СВОЕГО
НАРОДА66

Из истории архитектуры Восточного Туркестана

Каримова Р.У., руководитель Центра уйгуроведения
Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова
КН МОН РК, д.и.н., проф.

В статье дается краткий анализ развития архитектуры Восточного Туркестана после переселения на его территорию в середине IX в. основной массы уйгурских племен.

Восточный Туркестан – древняя родина уйгуров является одним из исторических центров центральноазиатской культуры. Сведения о тюркоязычных племенах на территории Восточного Туркестана появляются в китайских хрониках со второй половины IV века. Во второй половине VIII в. восточнотуркестанские оазисы перешли под контроль Уйгурского каганата (Северная Монголия). После гибели Уйгурского каганата в 840 г. большая часть уйгуров осела на территории Восточного Туркестана, который с этого времени из периферии государства превратился в основную территорию проживания этноса [1; 2, с. 35]. С этого времени завершается процесс тюркизации Восточного Туркестана.

В середине IX века в Восточном Туркестане возникли и процветали на протяжении нескольких столетий такие мощные государства как Уйгурское Турфанское и Караханидское, оставившие о себе память в величественных городах, грандиозных архитектурных сооружениях, высокого уровня культуре. Культурные достижения этих государств выходят за рамки регионального значения.

Возведение архитектурных сооружений тесно связано с политической обстановкой в стране, общественным укладом, идеологическими требованиями, бытовыми условиями, системой религиозных верований, народными традициями. Монументальное строительство было под силу только богатым государствам, со стабильной политической властью. Не случайно поэтому, эпохи сильных правящих династий оставляют о себе память в грандиозных архитектурных сооружениях. Значимое воздействие на архитектуру оказали религии, возведенные в статус государственных. Каждая религия вместе с новым мировоззрением несет с собой культуру культа, включающую также каноны строительства и оформления храмов.

Архитектурных памятников древнетюркской эпохи на территории Восточного Туркестана не зафиксировано. Древние тюрки оставили след в архитектурных сооружениях на территории Северной Монголии. Они относятся к периоду существования последнего самого мощного из Уйгурских каганатов (745–840 гг.). Искусство градостроительства достигло у древних уйгуров высокого уровня. Археологические экспедиции под руководством известного российского археолога Л. Р. Кызласова вскрыли и исследовали на территории современной Тувы остатки 17 крепостей и 2 бастонов [3, с. 51]. Один из городов, который предположительно являлся первоначальной ставкой Элетмиш-кагана, а позднее ставкой его тутука – наместника Тувы, представлял собой хорошо укрепленный замок с цитаделью. В городах имелось множество дворцов, больших каркасных зданий и зданий со столбовой конструкцией, крытых тяжелыми желобчатыми черепичными крышами. Дворцы, судя по находкам археологов, клались из кирпичей. Л. Р. Кызласов пишет, что «...именно уйгуры начали серьезно насаждать в центральноазиатских степях оседлую цивилизацию со строительством обширных многоквартильных городов и крепостей» [4, с. 86]. Традиции градостроительства и культуры, сложившиеся в целом в Северной Монголии, позднее уже в Восточном Туркестане в результате сложного синтеза с местными культурными достижениями получили новый импульс к развитию, нашедший отражение в новом взлете культуры субрегиона.

В VI в. в Центральной Азии получили распространение буддизм, манихейство и христианство несторианского толка. С принятием манихейства в городах Восточного

Туркестана начинают строиться манихейские храмы. По свидетельству китайского посла Ван Янь-дэ, манихейские храмы были в Уйгурском Турфанском государстве, в частности, «Храм-Жемчужины» [5, с. 268-269]. В уйгурском манихейском тексте X–XI вв. упоминаются манихейские монастыри, расположенные в трех больших городах Турфанского государства – Яр-Хото, Хочо, Сольми. Наряду с упомянутыми монастырями были и менее значительные [6, с. 526-529]. Сведения о манихейских храмах – манистанах крайне скудны и схематичны. По ним можно составить лишь очень общее впечатление об их архитектурном облике. Манистан представляет собой окруженный стеной прямоугольный комплекс с находящимися рядом несколькими изолированными зданиями. Часть зданий была предназначена под библиотеку. Плоские крыши зданий перемежаются купольными. Здания сооружены из крупноформатных сырцовых кирпичей. В центре комплекса находилось святилище в виде квадратной, открытой на восток (т.е. без восточной стены) целлы. Стены и полы целлы были богато расписаны. Здания имели коридоры, колонны, лестницы, сводчатые потолки [7, с. 210-213]. Говорить о стилевых особенностях манистанов у нас нет возможности, однако можно сделать вывод о том, что в архитектуре этого периода присутствуют основные приемы планов и конструкций (дворовый комплекс, своды, купола, плоские кровли, колонны, лестницы и пр.), материал (сырцовый кирпич), декор (роспись), которые легли в основу местной архитектуры.

С распространением в Восточном Туркестане христианства, в городах появляются христианские церкви и часовни. Марко Поло, побывавший в Восточном Туркестане в XIII в. пишет, что в городе Кашгаре, который в это время являлся форпостом ислама и мусульманской учености в Центральной Азии, есть несторианские церкви [8, с. 77]. Во фрагменте одного согдийского христианского документа сообщается, что для основания часовни послан миссионер предположительно в Карашар [9, с. 1034; 10, с. 537]. Об архитектуре христианских храмов у нас еще меньше сведений. Судя по ним, а также с учетом среднеазиатских и иранских аналогий [11] можно предположить, что христианские храмы имели прямоугольные формы строения, изобиловали башенками, сводчатыми потолками и арками.

Никакие религии, имевшие распространение в Восточном Туркестане, не могут сравниться с влиянием буддизма и ислама, которые в разное время были государственными на основной территории субрегиона. Внедрение этих религий, в особенности ислама отразилось на всех сторонах жизни населения края. Привнося новое, религии не отрицали культурные традиции страны, а как бы преломлялись сквозь призму местных достижений. Это и не могло быть иначе. Новшества привносились в среду, имеющую свои особенности, такие, например, как географический рельеф, климатические условия, природное сырье для строительных материалов, исторически сформировавшиеся вкусы населения и т.д. и т.п. Таким образом, архитектурный облик города в период господства той или другой религии приобретал выраженную специфичность, так сказать замешанную на местном своеобразии. В чем же собственно она выражалась?

Буддизм в течение десяти веков прочно занимал позиции главной религии Восточного Туркестана. Вместе с религией сюда было привнесено все многообразие буддийской культуры. В городах и за их пределами в большом количестве начали строиться храмы, монастыри, сооружаться ступы и другие святилища. Буддийские храмы и монастыри составляют целые комплексы построек. Обилие культовых сооружений этого периода определяет архитектурный облик городов. Некоторые города (Идикут-шари, Асса-шар) из-за наличия в них множества культовых построек получили определение монастырско-храмовых.

Помимо культовых сооружений в городах воздвигались строения общественного значения: правительственные, административные здания, казарменные постройки, базары, караван-сарай и пр. Среди них первостепенное значение принадлежит дворцам правителей. Это были, наряду с храмами, самые роскошные здания города и располагали их чаще всего в центре. В Идикут-шари, например, «Орда шāhār» или «Хан-Тура» – «дворец хана»

(названия, данные позднее местными жителями) занимает значительную площадь размером 300x150 м, окруженную стеной с воротами. Предположительно, это была резиденция уйгурских правителей. Она представляет собой комплекс зданий, в котором выделяется несколько групп помещений. На террасе располагалась группа сводчатых залов, к которым ведет лестница. Здания оформлены прекрасной живописью уйгурского времени [12, с. 333-335, рис. 664-666; 13, с. 24-26].

Основным материалом для возведения наземных архитектурных сооружений буддийского периода служил сырцовый кирпич различной формы и размеров. Сырцовый кирпич, по определению А. Грюнведела, был превосходного качества. Реже использовался жженный кирпич. Для восточнотуркестанской архитектуры этого периода характерно сочетание плоской, седловидной кровли, куполов и сводчатых перекрытий. Своды и купола настолько искусно выкладывались из кирпича, что могли противостоять ужасным бурям и нередким землетрясениям в этих районах. Своды, нередко очень сложной, как бы двух- или трехсоставной конструкции, сооружались в технике кладки наклонными отрезками. Сводчатые перекрытия исследователи называют одной из характерных примет восточнотуркестанской архитектуры. Купола были несколько вытянутые и полусферические небольших, крупных и очень крупных размеров. Восточнотуркестанские купола по своим размерам превышали размеры помещений так, что купол заходил на стену. Плоские и седловидные кровли покрывались большими черепичными плитами плоской формы. Коньковый брус богатых домов и храмов оканчивался с двух сторон противостоящими птицами, а в центре украшался символом пылающей жемчужины [14, с. 72, Bd. XXIV. Abt. I); 15, с. 10, 31-32; 7, с. 119-121; 16, с. 80-85].

Архитектура Восточного Туркестана буддийского периода при общем сходстве с южноазиатской имеет свою специфику, в частности в изобразительных средствах ее оформления. В художественном оформлении архитектурных сооружений, например, она сказалась в выборе композиций, влиянии местных традиций на почерк художника и на этнические типы персонажей, воспроизводящие местный материал.

Восточный Туркестан стал крупнейшим мировым центром и оплотом буддизма. Именно благодаря этому до нас дошли многие памятники буддийской литературы, которые в самой Индии оказались утраченными [17, с. 94]. В Уйгурском Турфанском государстве буддизм продолжал быть государственной религией до XIV века, времени, когда оно было завоевано чагатаидом Хызр-ходжа-ханом.

Ислам начал свое триумфальное шествие по территории Восточного Туркестана с западной его части. Первоначально он был воспринят в Караханидском государстве. Караханиды стали мусульманами в середине X века. Сын Сатук Богра-хана, Муса, воцарившийся на престоле в 955 г., объявил ислам государственной религией [18, с. 245-246]. Караханидское государство (восточная часть) взяло на себя священную миссию распространения ислама в Восточном Туркестане. Караханидам пришлось вести тяжелую борьбу против Хотана и Уйгурского Турфанского государства – оплотов буддизма в Восточном Туркестане. Даже свою столицу – город Кашгар, Караханидам не раз пришлось оставлять будпарастам – сторонникам буддизма. Караханиды были хорошими правителями. Они заботились о благоустройстве своего государства, укрепляли существующие города, основывали новые. Свои города Караханиды украшали высокими и красивыми зданиями [19, с. 378].

Архитектурные сооружения в эпохи древности и средневековья в Восточном Туркестане создавались, как уже отмечалось выше, в основном из недолговечных материалов – сырцового кирпича и дерева, поэтому наиболее ранние из известных нам сохранившихся архитектурных сооружений мусульманского периода относятся к XIV веку.

Самым ранним из сохранившихся мусульманских культовых сооружений Восточного Туркестана является мавзолей (мазар) Туглук Тимур-хана, возведенный в XIV в. на могиле первого правителя Могулистана. Он находится за пределами древнего города

Алмалык. К северо-западу от мавзолея расположено таранчинское (уйгурское – К.Р.) селение Мазар. Мавзолей ориентирован фасадом на восток, в сторону селения.

Монументальность, яркое многоцветье декора мавзолея Туглук Тимур-хана во все времена привлекали внимание исследователей. О нем имеются сведения в исторической хронике XVI в. «Тарих-и Рашиди» Мухаммад Хайдара [20, с. 458–459]. Первое упоминание о мавзолее в русскоязычной литературе сделано в отчете капитана Унковского, ездившего в 1722 г. послом к хунтайчжи Цэван-рабтану. Описание мавзолея поместил в своем Отчете о поездке в Среднюю Азию В. В. Бартольд [21, с. 64–66]. Позднее свое описание сооружения дал Н. Н. Пантусов [22, с. 161–188]. Китайский исследователь синьцзянской архитектуры Чжан Шэн'и высоко оценил художественные достоинства мавзолея, назвав его достоянием драгоценного архитектурного наследия Китая [23, с. 143].

В мавзолее в деревянном склепе находились захоронения семи членов семьи Туглук Тимур-хана: самого хана, его жены и пятерых детей. Со слов местных шейхов-таранчей мазар был подожжен во время уйгуро-дунганского восстания в Илийском крае в 1864 г. китайцами и калмыками, когда в нем скрывались повстанцы-таранчи. Из 80 укрывшихся здесь таранчей четверо сгорели, остальные спаслись. В пожаре сгорел склеп, вместо которого позднее было сделано кирпичное, обмазанное глиной надгробие. Уцелела только нижняя половина сооружения, купол также разрушился. В период существования Таранчинского султаната мавзолей был восстановлен, но уже без прежнего блеска. В частности, купол, упомянутый Мирзой Мухаммад Хайдаром, как отличающийся большой высотой и украшенный надписями [20, с. 65; 21, с. 459], в настоящее время выглядит значительно скромнее.

О качестве реставрации сохранились разные мнения исследователей. Н. Н. Пантусов отметил, что она была произведена весьма искусно и новая кирпичная кладка не отличается от старой [22, с. 169]. В. В. Бартольд также пишет об умелой реставрации, однако уточняет, что новая кладка заметно отличается от старой [21, с. 65]. Фасад здания был почти не тронут разрушениями, пострадали только некоторые надписи. Так, в верхней части фронтона портала за аркой полностью уничтожена надпись с датой смерти похороненного здесь лица, сделанная золотыми буквами. Нет и персидской надписи, о которой упоминал Мирза Мухаммад Хайдар. Остались только арабские надписи, но также с повреждениями [22, с. 165].

Мавзолей является портално-купольным сооружением, состоящим во внутренней части строения из двух ярусов. Покоящийся на высоком барабане небесный купол переходит к квадратному корпусу при помощи парусных арок. Вход в мавзолей оформлен вытянутым по вертикали прямоугольным порталом, прорезанным высокой стрельчатой аркой. Портал представляет собой выдвинутую и увеличенную масштабно, с сильными устоями переднюю стену мавзолея. Углы стены порталной части здания закрыты полукруглыми колоннами. В глубине арки портала устроены два небольших проема: в нижней части – для украшенных резьбой деревянных дверей, в верхней – для окна. Ширина фасада составляет около 12 м (11, 733 м), длина здания – около 15 м, наибольшая высота строения в его купольной части достигает 14 м по Чжан Шэн'и и около 16 м по Н. Н. Пантусову. Площадь внутренней части мавзолея квадратной формы, около 8,5х8,5 м [23, с. 143-147; 22, с. 165].

Внутренние стены нижнего яруса мавзолея оформлены четырьмя нишами: одной глубокой в западной стене, другой, обрамляющей входную дверь и двумя двойными с южной и северной сторон. В углах стен расположены четыре маленькие худжры. Из двух, находящихся справа и слева от входа, вверх идут лестницы на крытую галерею второго яруса, опоясывающую здание с трех сторон по периметру. В верхнем ярусе также имеются ниши. С галереи есть ход на крышу и купол.

Несмотря на мощные стены, толщиной в 80 см, пропорции сооружения стройные и величественные. Основным материалом для строительства мавзолея служил красный жженный кирпич сартовского (среднеазиатского) изготовления [21, с. 65; 22, с. 164].

Большую декоративную нагрузку в экстерьере несет порталная часть, облицованная полихромными майоликовыми изразцами с резным мозаичным узором. Стилизованный узор растительного и геометрического характера отличается большим разнообразием и напоминает ковровые орнаментальные композиции. Цветовая гамма изразцового покрытия составлена бирюзовыми, синими, белыми, и вишнево-фиолетовыми тонами. В обрамляющих арку вертикальных полосах и вдоль ее очертаний нанесены белым по бирюзовому фону надписи, выполненные стилем сулюс (сульс). Сохранившаяся надпись над входом содержит 25–26 аяты Суры 3. Аль 'Имран «Семейства Имрана». По фасаду снизу вверх с левой стороны входа надпись, восхваляющая Туглук Тимур-хана и его деяния, по фасаду сверху вниз с правой стороны входа – надпись, посвященная его супруге [22, с. 166].

Рядом с мавзолеем Туглук Тимур-хана находится мавзолей его сына Шир-ильхана [В. В. Бартольд предположил, что это не сын, а внук Туглук Тимур-хана – Шир-Али, 21, с. 66]. По композиции и стилю он кажется аналогичным мавзолею Туглук Тимур-хана, но значительно более скромным по размерам, формам и декору.

Мавзолей Туглук Тимур-хана представляет собой сохранившийся до наших дней выдающийся памятник архитектуры раннего для Центральной Азии периода развития мусульманского монументального зодчества. Приведу оценку художественного уровня мавзолея, сделанную В. В. Бартольдом: «Мазар действительно построен в стиле самаркандских мечетей и далеко оставляет за собой все виденные нами архитектурные памятники Средней Азии, за исключением самаркандских» [21, с. 65]. О сходстве архитектурного стиля мавзолея со стилем самаркандских мечетей в свое время высказал мнение французский географ Жак Элизе Реклю [24]. По стилиевой принадлежности его можно отнести к памятникам среднеазиатской архитектуры Тимуридской эпохи. Мавзолей был построен на заре зарождения этого архитектурного стиля и мы находим в нем черты, характеризующие начальную стадию его формирования, такие, например, как монументальность свободно размещенного в пространстве сооружения, промежуточная незавершенная стадия в развитии портала, облицовка глазурованными изразцами с резным мозаичным узором, богатство полихромного декора с преобладанием синей и бирюзовой, небесно-голубой глазури.

Мусульманские храмы – мечети и духовные школы-семинарии – медресе строились в Восточном Туркестане соответственно традиционному плану организации по периметру обширного прямоугольного двора с галереями. Балочные перекрытия галерей покоились на стрельчатых и подковообразных арках, опирающихся на небольшие колонки или же на столбы-простенки прямоугольного сечения. Святителища храмов были ориентированы на Мекку. Это направление фиксировалось михрабом – алтарной нишей, которая находилась в центре стены, обращенной к Мекке. Главный фасад мечетей с внешней стороны оформлялся большим арочным порталом.

Архитектурной достопримечательностью города Яркенда является Азна или Улук мечеть, бывшая соборная Жами-мечеть города. По своим стилистическим характеристикам она соответствует развитию среднеазиатской архитектуры XIV–XV веков. Строения мечети расположены по периметру небольшого двора, общей площадью 1420 м², обведенного невысокой стеной. За пределами двора, справа находится малая мечеть, слева – жилище смотрителя. Вход в мечеть оформлен незначительно выдвинутым за стену порталом, в виде вертикально вытянутого прямоугольника. Развитие по вертикали придает portalу особую стройность. Портал прорезан высокой внешней и двухрядной меньшей по размерам внутренней однолопастными стрельчатыми арками, внутренняя из которых – сквозная. Фасад портала оформлен нишами и ротондообразными башенками с боковых сторон. Сквозная арка портала выходит через пространство галереи на параллельно расположенную арку аналогичного, но более низкого портала, направленного лицевой стороной во двор (мотив перспективно-арочного входа).

На главной оси комплекса, напротив входа находится здание собственно мечети. К ней от портала ведет с двух сторон двора обходная галерея. Собственно мечеть представляет собой прямоугольное строение, центральную часть которого занимает квадратный зал, накрытый куполом. Стены зала прорезаны стрельчатыми однолопастными арками: в одной из них находится алтарная ниша, в другой – центральная входная дверь, в боковых – выходы на обходную галерею. Переход от стен основания зала к высокому куполу осуществлен с помощью тропов. Между тропами выделены неглубокие стрельчатой формы ниши со стрельчатыми окнами в каждой из них. Над ними вдоль купола размещены декоративные, через одну ажурные, сквозные розетки, по-видимому, для освещения и вентиляции. Полусферический однослойный купол украшен в центре внутренней поверхности двухрядной многолепестковой розеткой. Диаметр купола – 8 м. Декор наружной поверхности состоит из узких выпуклых ребер, радиусно распространяющихся от венчающей купол ротондообразной башенки. Вход в собственно мечеть оформлен порталом, по форме аналогичным, описанному выше. В отличие от главного входного портала он украшен не нишами, а двухрядным выступающим П-образным обрамлением стрельчатой арки. В верхней части портал декорирован поперечными зубчатыми выступами кирпичной кладки и поверху стоящими вертикально в ряд плоскими остролистыми плитками.

Обходная двухрядная арочно-купольная галерея составлена мощными прямоугольными столбами, над которыми переброшены стрельчатые арки, переходящие в щитовидные паруса. Сетка колонн образует сквозные квадратные помещения, каждое из которых накрыто маленьким полусферическим куполом (всего 51 купол). С внешних сторон галерея выходит арочными проемами на деревянный айван, украшенный резьбой и росписью. В центре двора вырыт колодец, растут несколько ясеней и вязов с пышной кроной. Не ясно, где первоначально находился минарет. Если принять во внимание названия мечети *улуқ* (великая), *жами* (соборная), то по всей вероятности именно ее упомянул в своем отчете Ч. Валиханов. Он отметил, что старинная мечеть г. Яркенда имела высокую башню-минарет [25, с. 114]. В настоящее время этого минарета нет, имеющийся минарет рядом с порталом в виде прямоугольной площадки из кирпича, на помосте, укрепленном деревянными балками, имеет явно позднее происхождение. Купола собственно мечети и галереи в результате неумелой реставрации оштукатурены поверху глиной.

В период расцвета в Центральной Азии архитектуры Тимуридского стиля, когда всюду возводились монументальные, горделиво величавые архитектурные сооружения, в Восточном Туркестане, архитектура которого в целом развивалась в общем русле с центральноазиатской, строились культовые сооружения других масштабов и декора. Примером тому может служить Азна мечеть г. Яркенда, отличающаяся скромностью размеров, форм, использованных технических приемов, отсутствием монументальности, пышности, сверкающей яркости полихромной глазури и при этом удивительной гармонией форм, декора и цвета. В ее оформлении нет ничего выбивающегося из простой, но изысканной композиции. Гибкие линии арок и куполов, как бы переливающиеся друг в друга звенья обходной галереи, скромный и одновременно праздничный белый цвет строений – все объединено единым замыслом и настроением сдержанной красоты.

В настоящее время этот замечательный памятник мусульманского зодчества находится в полном запустении. За последние десять лет я имела возможность дважды посетить Азна мечеть и во второе свое посещение не могла не отметить все более удручающего ее состояния. Это культовое сооружение требует серьезной реставрации и охраны со стороны государства как памятник ранней центральноазиатской мусульманской культовой архитектуры.

Завоевания монголов, образование Монгольской империи, охватившей в своих пределах территорию центральноазиатских государств, привели к разрушению непокорных городов, громадным людским потерям и на целые века превратили в развалины и

опустошили земли Казахстана и Средней Азии. Восточнотуркестанские государства, добровольно принявшие вассальную зависимость от монголов, сохраняли какое-то время видимость бывшего благополучия, но результат потери суверенитета был для них еще более плачевным.

Последствия господства монголов можно проиллюстрировать на примере развития архитектуры Восточного Туркестана, свидетельствующем о том, что если архитектурные сооружения домонгольского и раннемонгольского периодов демонстрируют расцвет градостроительства, архитектурные достижения, ставящие страну в ряд самых развитых культурных субрегионов Центральной Азии, то в последующие века он постепенно перемещается на уровень культурной периферии. В частности, анализ развития стилевых особенностей архитектуры Восточного Туркестана конца XIV–XVI вв. (ренессанс центральноазиатской архитектуры) показал, что она переживает те же фазы, что и архитектура в основных территориальных пределах тимуридских владений (Средняя Азия, Афганистан, Восточный Иран), но как бы идет вслед за их достижениями. Архитектурные сооружения Восточного Туркестана отличаются меньшей монументальностью, более скромные формы и декор. Тем не менее, мусульманскую архитектуру Восточного Туркестана нельзя воспринимать как простое подражание эстетическим канонам «тимуридской эпохи». Местная архитектура имеет свое лицо, придавшее в целом своеобразие восточнотуркестанским городам средневековья.

В середине XVIII в. Восточный Туркестан был завоеван Цинским Китаем. На его территории был образован военно-административный район Синьцзян («новое владение» или «новая территория»). Цинское правительство делало все, чтобы оградить новоприобретенный край от любого соприкосновения с внешним миром. Если до середины XVIII в. в центральноазиатском регионе в пределах государств, охватывавших территорию Восточного Туркестана, Казахстана, Средней Азии (Караханидское государство, Моголистан) наблюдалось свободное перемещение среди населения (в том числе поэтов, ученых, богословов, музыкантов, архитекторов, строительных дел мастеров, ремесленников) и своего рода культурная миксация, то позднее возникла политическая изоляция Восточного Туркестана, повлекшая за собой утрату исторически устоявшегося культурного взаимодействия. Потеряв культурные взаимосвязи с государствами Центральной Азии, Восточный Туркестан оказался в сфере активного, управляемого сверху воздействия культуры Китая. Результат этих перемен можно проиллюстрировать достаточно убедительным примером появления т.н. мусульманско-китайского или китайско-мусульманского стиля в архитектуре Восточного Туркестана. Упомянутый стиль сформировался в XIX в. на основе синтеза традиций восточнотуркестанской исламской и китайской архитектуры. Наибольшее развитие он получил на севере Синьцзяна.

В настоящее время сложно прогнозировать перспективы развития культуры тюркоязычных народов Синьцзяна (современный СУАР КНР). Но в отрыве от исторически сложившихся общих центральноазиатских истоков, культура тюркоязычных народов субрегиона будет лишена мощных цивилизационных импульсов.

Список использованных источников:

- 1 Камалов А. К. Древние уйгуры. VIII–IX вв. – Алматы: Наш мир, 2001. – 216 с.
- 2 Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников: (вторая половина XIX в.) – Алма-Ата: Наука, 1988. – 224 с.
- 3 Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. – М.: Высш. школа, 1984. – 167 с.
- 4 Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 211 с.
- 5 Григорьев В. В. Восточный, или Китайский Туркестан. – СПб., 1873. – 576 с.
- 6 Le Coq A. Chotcho. – В., 1913 (Nachdruck – Graz, 1979).

- 7 Литвинский Б. А. Архитектура и строительное дело // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.: Восточная литература, 2000. – С. 13-218.
- 8 Книга Марко Поло / перевод старофранцузского текста И. П. Минаева: редакция и вступительная статья И. П. Магидовича. – М.: Географгиз, 1955. – 376 с.
- 9 Hansen O. Der Anteil der Iraner an der Ausbreitung der Christentums nach Zentralasiens. – ZDMG. Suppl. 1. 1968. – Т. 3.
- 10 Никитин А.Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье). Восточный Туркестан и Средняя Азия. – М.: Наука, 1984. – С. 121-138.
- 11 Churches of Iran. – Esfahan: Rasanah Kaj, 1988. – P. 103.
- 12 Grunwedel A. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan. – B., 1912.
- 13 Maillard M. Grottes et monuments d'Asia Centrale. – P., 1983.
- 14 Grünwedel A. Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902–1903. – München, 1905 (ABAW. I. Klasse, Bd. XXIV. Abt. I). – P. 230.
- 15 Дудин С. М. Архитектурные памятники Китайского Туркестана (из путевых заметок). Пг., 1916 // Отд. отт. из журн. «Архитектурно-художественный ежегодник». – 1916 – № 6, 10, 12, 19, 22, 28, 31.
- 16 Gabain A. Das Leben in uigurischen Konigreich von Qoco (850–1250). Textband. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1973. – 173 s.
- 17 Воробьева-Десятовская М. И. Индийцы в Восточном Туркестане в древности (некоторые социологические аспекты) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. – М.: Наука, 1984. – С. 61-97.
- 18 Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения: в 9 т. – М.: Наука, 1963. – Т. 2, ч. 1. – С. 169-433.
- 19 Бартольд В. В. Средняя Азия до XII в. // Сочинения: в 9 т. – М.: Наука, 1963. – Т. 1. – С. 238-285.
- 20 Мирза Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди. – Ташкент: Фан, 1996. – 727 с.
- 21 Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. // Сочинения. Т. IV. М.: Наука, 1966, с. 64-66
- 22 Пантусов Н. Н. Город Алмалык и Мазар Туглук Тимур хана // «Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя Туркестанского края, генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана I-го». – М., 1910. – С. 161–188
- 23 Чжан Шэн'и. «Искусство синцзянской традиционной архитектуры». – Урумчи: Синцзянское издательство научно-технической и медицинской литературы (К), 1989
- 24 Jean Jacques Élisée Reclus. Nouvelle géographie universelle, la terre et les hommes, 19 vol., 1875–1894
- 25 Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858-1859 годах // Собр. соч.: в 5 т. – Алма-Ата: Глав. ред. казах. совет. энциклопедии, 1985. – Т. 3. – 416 с.

Резюме

Восточный Туркестан – древняя родина уйгуров – один из исторических центров центральноазиатской культуры. В середине IX века в Восточном Туркестане возникли и процветали на протяжении нескольких столетий такие мощные государства как Уйгурское Турфанское и Караханидское, оставившие о себе память в величественных городах, грандиозных архитектурных сооружениях, высокого уровня культуре. Значимое воздействие на архитектуру оказали религии, возведенные в статус государственных. Особое место в развитии архитектуры Восточного Туркестана занимает исламский период.

Summary

East Turkestan is an ancient homeland of the Uighur people - one of the historical centers of the Central Asian culture. In the middle of IX century East Turkestan has observed the rise of the powerful Turfan Uighur and Qarakhanid states that flourished for several centuries and went down in history with magnificent cities, grand architecture facilities and high cultural level. The architecture of East Turkestan was significantly influenced by state religions. Islam has a special place in development of the architecture of East Turkestan.